
ЗАГАДОЧНЫЕ СКАЗКИ
ТОМАС НИДЕРВАЛЬД
Носок тётушки Маргарет
Рождественские истории · книга 2
ЛОНДОН · 1865
6+

Томас Нидервальд

Носок тетушки Маргарет

https://litres.ru/74755572
SelfPub; 2026

Аннотация

В приюте на Тули-стрит живут Джейн и Питер. От тётушки Маргарет у них остался один красный носок — недовязанный. А на Ломбард-стрит живёт самый скупой банкир Лондона: в его камине горит одна головня в день. В ночь на первое декабря ему снится старушка в кружевном чепце, которая вяжет у его холодного камина. А утром на решётке висит красный носок, мокрый от инея.

Содержание

Глава первая. Лондон считает дни 4
Глава вторая. Самая холодная контора 7
Глава третья. Первый сон 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Томас Нидервальд
Носок тетушки Маргарет

Глава первая. Лондон считает дни

Давным-давно, когда по Лондону ездили конные омнибусы — большие общие кареты, вроде автобусов, только с лошадьми, — а газета стоила пенни, одну медную монетку, наступил декабрь тысяча восемьсот шестьдесят пятого года.

Лондон встретил его, как встречают дорогого гостя. Он вымыл окна, натёр медные дверные ручки и повесил на двери венки из остролиста — колючих веток с красными ягодами. Он начал считать дни до Рождества. Вслух, хором, на всех улицах сразу.

— Двадцать четыре! — кричали мальчишки, скатываясь по ледяной дорожке.

— Двадцать четыре, — вздыхали лавочники и заказывали ещё изюма.

В Сити, где живут банки, господа в цилиндрах, высоких шляпах-трубах, выбирали гусей. Гусь стоил семь шиллингов — семь серебряных монет. Они платили и не считали сдачу. На рынке Лиденхолл гуси висели рядами, как белые пальто в гардеробе. В витринах Риджент-стрит сидели фарфоровые куклы с настоящими ресницами — по фунту за каждую, а

фунт — это двадцать шиллингов.

А за Лондонским мостом, в Саутварке, гусей не покупали. Там на гуся копили. По два пенса в неделю, весь год, в жестяной банке. Зато смеялись в Саутварке не меньше, чем в Сити. А может, и больше. Смех ведь ничего не стоит, и бедным он достаётся в полной мере.

В Лондоне на Рождество у всех одинаковый снег. Но не у всех одинаково тёплые башмаки.

На Тули-стрит, рядом со старой церковью Сент-Олав, стоял высокий кирпичный дом. Над дверью висела доска: «Дом Джека и Билли. Приют для сирот». Его открыли только этой весной, на деньги добрых людей. В нём жили сорок два ребёнка.

Среди них были Джейн и Питер Пеннингтон.

Джейн было тринадцать лет. У неё были тёмные косы и серьёзные серые глаза. Она носила зелёное платье, перешитое из маминого, а на шее, на шнурке, — медный напёрсток. Джейн всем штопала носки. При брате она никогда не плакала. Для этого был чердак, к круглому окошку. Там можно было разговаривать со звёздами, и они не перебивали.

Питеру было восемь. Он был курносый, с рыжеватым вихром, который не слушался ни гребня, ни воды. Переднего зуба у него не было: он его потерял, когда кусал сухарь, и очень этим гордился. Питер не расставался с деревянной лошадкой без хвоста. Лошадку звали Капитан.

Год назад у Джейн и Питера была тётушка Маргарет. Ма-

ленькая, круглая, в кружевном чепце. От неё пахло гвоздикой и апельсиновой коркой. Она жила с ними в одной комнате на этой же улице и всё время вязала. А прошлой зимой тётушка умерла. Детей отвели в приют.

От тётушки остался один красный носок. Недовязанный. Спицы так и торчали из петель. Питер спал с ним под подушкой.

— Тётя довяжет, — говорил он. — Она просто вышла.

Джейн не спорила. Она поправляла брату одеяло и шла на чердак.

Глава вторая. Самая холодная контора

На Ломбард-стрит, где банки стоят плечом к плечу, как гвардейцы на параде, был банк «Эшфорд и Ко». Это был очень надёжный банк. Самый надёжный в Сити. Потому что в нём никто никогда ничего не тратил.

Хозяина звали мистер Мортимер Эшфорд. Ему было пятьдесят девять лет. Он был сухой и лысый, в сером сюртуке — длинном пиджаке до колен — и серых перчатках, которых не снимал даже за обедом. Ел он, впрочем, быстро: хлеб и стакан воды. Чай стоил три шиллинга фунт, а вода — ничего.

В конторе стоял камин. Каждое утро в нём зажигали одну головню. Одну! Мешок угля стоил шиллинг и четыре пенса. Мистер Эшфорд считал, что одной головни хватает, если сидеть смирно и думать о тёплом.

Когда мистер Эшфорд думал, он гасил свечу.

— Думать можно и в темноте, — говорил он. — Это бесплатно.

У высокого окна, на высоком табурете, сидел младший клерк Уильям Фэрроу. Он был тонкий и бледный, с длинной шеей, обмотанной старым шарфом. Пальцы у него были в чернилах. Иногда, когда никто не видел, Фэрроу писал

на полях счетов маленькие стихи. Потом стирал их хлебным мякишем. Жалованье у него было фунт в неделю. Дома, в Саутварке, у него болела мама.

А за большим столом сидел управляющий, мистер Сайлас Блэкуэлл. Высокий, в чёрном сюртуке, с бледным лицом. На поясе у него висела связка из сорока ключей. На ходу связка звякала, а сапоги скрипели. Перчаток он не носил вовсе, и руки у него были синие от холода.

— Цифры не мёрзнут, сэр, — говорил Блэкуэлл. — Мёрзнут только люди. А это не наша забота.

Контора «Эшфорд и Ко». Одна головня в камине, Фэрроу на высоком табурете — и Джейн с письмом из приюта.

В последний день ноября в контору вошла девочка в зелёном платье. Она замёрзла так, что не сразу смогла заговорить.

— Письмо, сэр. От «Дома Джека и Билли».

Мистер Эшфорд прочёл письмо, не снимая перчаток.

— Приют просит на Рождество угля и тёплых одеял, — сказал он. — Приют получает от нашего банка каждый месяц… Мистер Блэкуэлл?

— Пять фунтов, сэр, — сказал Блэкуэлл. Ключи у него на поясе звякнули. — Записано.

— Пять фунтов, — повторил Эшфорд. — Этого достаточно. Рождество, мисс, — это двадцать пятое декабря. Обычное число. Банк в него закрыт, и это само по себе большой убыток.

Джейн посмотрела на Блэкуэлла. Медный напёрсток у неё на шее стал тяжёлым и холодным. В приюте все знали: банк присылает два фунта. Не пять. Два.

Но говорить об этом в банке, где одна головня на камине, было всё равно что спорить с сосулькой. Джейн поклонилась и вышла.

Фэрроу посмотрел ей вслед. Потом заглянул в свою книгу, где были записаны пять фунтов. Потом подул на пальцы и ничего не сказал.

Пока что.

Глава третья. Первый сон

Мистер Эшфорд жил над банком, в двух комнатах. В спальне камин не зажигали никогда. Мистер Эшфорд ложился в постель в сюртуке, в перчатках и в ночном колпаке. Он говорил, что так дешевле, чем болеть.

В ночь на первое декабря он проснулся оттого, что кто-то вязал.

Спицы постукивали. Тук-тук, тук-тук. Как часы, только мягче.

У холодного камина, в его собственном кресле, сидела маленькая круглая старушка. На ней был кружевной чепец — домашняя шапочка — и клетчатая шаль. Шаль была вся в инее, как ёлка на улице. А в руках у старушки было вязанье — красное, длинное, и оно спускалось ей на колени.

От старушки пахло гвоздикой и апельсиновой коркой.

— Ты не надел шарф, Мортимер, — сказала старушка, не поднимая глаз. — Опять.

Мистер Эшфорд хотел сказать: «Кто вы такая? Как вы вошли? Двери заперты на три замка!» Но во сне язык слушался плохо. Вместо этого он сказал:

— Няня?

Так он не говорил пятьдесят лет.

— Не всё то тепло, что горит, — сказала старушка и улыбнулась. — Ты это забыл. Ничего. Я напомню. У меня есть

время до Двенадцатой ночи.

В кресле у холодного камина сидела маленькая старушка в кружевном чепце. Шаль у неё была вся в инее, а спицы постукивали: тук-тук.

Она вязала, а мистер Эшфорд лежал и смотрел. Ему было холодно, как всегда. Но рядом со старушкой холод был другой. Как в детстве, когда приходишь с мороза, щёки горят, и тебе дают кружку горячего молока.

Он заснул. Крепко, как не спал много лет.

А утром на каминной решётке висел красный вязаный носок. Мокрый от инея. Спицы торчали из петель.

Мистер Эшфорд долго смотрел на него. Потом позвал

экономку.

— Миссис Пеннингтон, — сказал он. — Кто это повесил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.